

Политика Японии в области образования и воспитания в колониальной Корее (1910–1945 гг.)

© 2013

Д. Якимова

В статье рассматривается японская политика в области образования и воспитания, проводившаяся в колониальной Корее в 1910–1945 гг. в рамках курса культурной ассимиляции корейского народа. Особенное внимание уделяется курсу японского руководства в отношении исторического образования в Корее. В статье затрагиваются предпринятые японской администрацией изменение школьных учебников по истории, умышленная фальсификация исторических фактов, запрещение использования корейского языка, изменение на японский лад корейских имен и фамилий. Затронута тема создания японским руководством «Присяги подданных Японской империи» и «Гимнастики для подданных империи» с целью укрепления физического и морального духа корейцев.

Ключевые слова: ассимиляция, общая культура, общая раса, единый организм, подданные, изменение содержания учебников по истории Кореи, распространение японского языка, искоренение корейской культуры, изменение корейских имен и фамилий, Присяга подданных Японской империи, Гимнастика подданных империи.

Япония аннексировала Корею в 1910 г., и ее колониальное господство сохранялось вплоть до окончания Второй мировой войны. В отличие от Великобритании, проводившей в отношении Индии, Бирмы и других заморских колоний линию на их отдельное от метрополии развитие, правительство Японии провозгласило приоритетной задачей своей политики в Корее превращение корейцев в подданных Японской империи. На начальном этапе своего колониального правления Япония проводила политику, которая применялась ею ранее в отношении населения островов Рюкю и коренных жителей Японии айнов.

Большинство мер было направлено на искоренение национальной культуры корейцев, но превращение их в полноправных подданных Японской империи так и не произошло. В инструкции генерал-губернатора Тэраути Масатакэ (занимал этот пост в 1910—1916 гг.) от 2 октября 1910 г., губернаторам всех корейских провинций было указано: «Добиваясь реального развития Кореи, избегая при этом пустословия, необходимо содействовать повышению жизненного уровня и общественного положения народа, переживающего перемены...»¹. В качестве политической программы по управлению аннексированной Кореей были выдвинуты следующие пункты.

1. Хорошее обращение с бывшей королевской четой Ли.
2. Участие представителей корейской нации в государственном управлении.
3. Обеспечение общественной безопасности.
4. Поддержание стабильности общественного мнения.

5. Приведение в хорошее состояние транспортных средств.
6. Развитие производства, особенно сельского хозяйства.
7. Приведение в хорошее состояние медицинских учреждений.
8. Развитие образования.
9. Обеспечение свободы вероисповедания, в частности, христианства².

Хотя японское руководство и провозгласило курс на «японизацию» Кореи и превращение корейцев в полноправных подданных империи, коренные японцы с пренебрежением относились к выходцам с Корейского полуострова, и фактически они были бесправными.

До окончания Второй мировой войны корейцы считались субъектами Японской империи того же происхождения, что и японцы. Понятие японская нация «Yamato (Nihon) minzoku» подразумевает не просто кровное родство, а более широкий круг уз, связанных с культурой — таких как язык, религия и история. Императорский эдикт от 1910 г. (43-го года Сёва) гласил: «С этого дня народ Корейской империи становится подданными Японской империи»³. Однако действительно ли корейцы считались такими же субъектами империи, как сами японцы? В большинстве японских официальных документов корейцы обозначались как подданные, а термин «национальные субъекты империи, народ» употреблялся только в отношении японцев или в тех в случаях, когда подчеркивалась идея о превращении корейского народа в полноправных подданных Японской империи (kokuminika). Пожалуй, ответ на вышеприведенный вопрос можно получить из статьи, опубликованной спустя месяц после аннексии в выходившей в Сеуле японской газете «Keijō shinpō». В ней говорилось: «После аннексии Корейский полуостров вошел в состав Японской империи. Корейский народ стал рассматриваться как подданные империи (teikoku no shinmin). Но мы не можем признать то, что корейцы, став субъектами империи, превратились в японцев»⁴.

Реально в Японии считается, что национальная принадлежность зависит не от того, говорит ли человек на японском языке или воспринял ли он японскую культуру — главное, чтобы в его жилах текла «японская» кровь. Японец лишь тот, кто японец по крови. С другой стороны, Японская империя могла манипулировать принадлежностью к своей нации, принимая в нее другие народы, что и произошло в случае с Кореей. Однако представители этих народов все равно расценивались как «второсортные» японцы.

В день аннексии Кореи во всех газетах и журналах Японии с пафосом сообщалось о присоединении к империи корейского народа. Более того, в это время была выдвинута идея о том, что именно выходцы с Корейского полуострова дали начало японской нации. Иными словами, аннексия Кореи Японией изображалась как «воссоединение двух братских народов»⁵. По словам профессора Токийского университета Фудзивара Киити, «японская двухъярусная конструкция, состоявшая из метрополии и колонии, не предусматривала четкого отграничения метрополии от колонии. Такая структура, где изменениям в метрополии предшествовали изменения в колонии, демонстрировала не только отношения господства и подчинения, но и сложную систему взаимозависимости»⁶.

В конце 1942 г. владения Японской империи простирались от Соломоновых островов до границ Бирмы и Индии и от влажных тропических лесов Новой Гвинеи до ледяных берегов Атту и Киска. В этой ситуации стало необходимым как-то оправдывать колониальные захваты Японии. Для этого использовалось понятие («общая культура, общая раса»), сформулированное еще в период Мэйдзи (1867–1912 гг.). Обосновывалось это понятие тем, что японцы и их соседи в Северо-Восточной Азии (Корея) пользовались общей системой письма, их объединяли общие религиозные и философские традиции. Однако когда японская империя стала захватывать более отдаленные территории в Юго-Восточной Азии, идеология, основанная на понятии «общая культура», уже не годилась, так как народы Юго-Восточной Азии не очень близки к японцам в культурном и этническом плане. Чтобы ликвидировать это противоречие, министр иностранных дел Японии

Арита Хатино (1938–1939, 1940) в своей резолюции от 29 июня 1940 г. изложил пересмотренную идеологическую концепцию, которая основывалась на географической, исторической, этнической и экономической близости между Восточной Азией и Юго-Восточной Азией. В том же году новый министр иностранных дел Мацуока Ёсукэ (1940–1941) выдвинул концепцию «Сферы Сопроцветания в Великой Восточной Азии» («*Daï Tōa Kyūeiken*»), подчеркивая не только культурную, но и экономическую взаимосвязь между Восточной и Юго-Восточной Азией⁷.

Для выражения моральных основ ассимиляции использовалось понятие «*isshi dōjin*» («отношение ко всем как к братьям»), берущее свое начало в конфуцианских традициях справедливости и равенства⁸.

Образовательная политика, проводимая японским руководством в Корее, была инструментом ассимиляции и японизации корейского народа. Японцы стремились стереть культурную идентичность корейцев и навязать им новые ценности и ориентиры, среди которых главное место занимала преданность Японской империи. Для того, чтобы изменить историческое сознание корейского народа, японское руководство пошло на изменение содержания учебников по истории. В новых учебниках упор делался на вечное зависимое состояние корейского государства, Корея представлялась «большим человеком» в регионе Восточной Азии. Особо подчеркивалась «цивилизаторская» миссия Японии на Корейском полуострове.

Япония использовала ассимиляционный подход для объединения колонизированных народов. Создание империи должно было начинаться с доминирования Японии над Кореей. Культурная и этническая близость между японцами и представителями захваченных государств, за исключением жителей островов Тихого океана, давала возможность предполагать, что колонизатор и колонизированные народы могут объединиться в рамках Японской колониальной империи. Эта концепция была окончательно сформулирована в доктрине ассимиляции «*dōka*». Особенностью японской политики по ассимиляции стала насильственная «японизация», доходившая до крайностей, и отсутствие гарантий социально-политического равенства. Японское руководство проводило политику по ассимиляции населения Кореи под девизом «Корея и Япония — единый организм» («*naisen ittai*»).

Прежде всего, японское руководство делало упор на культурную и образовательную ассимиляцию. Первый закон «О постановке дела народного образования в Корее» был издан 1 ноября 1911 г.⁹ Согласно этому закону образование подразделялось на начальное, промышленное и профессиональное. В курс начального образования входило изучение национального, т.е. японского, языка, и усвоение общепринятого нравственного кодекса, т.е. почитания императора Японии и преданности ему. На этом этапе ученики также приобретали личные качества, необходимые представителю японской нации. Целью промышленного образования было приучение детей к усердному труду, а профессиональное образование предназначалось для желающих специализироваться в различных отраслях знаний: медицине, юриспруденции и сельском хозяйстве. Надворный советник Российской империи Чиркин в своем донесении от 3 ноября 1911 г. так охарактеризовал задачу нового закона об образовании: «Корейский народ должен усвоить ту истину, что благоденствие страны, неразрывное с процветанием Империи (Японской империи), покоится на образовании последующих поколений, и должен стремиться воспитывать своих сыновей и дочерей... дабы открыть им путь к достойной и полезной деятельности»¹⁰.

Курс генерал-губернатора Кореи Тэраути Масатакэ в области образования был направлен на воспитание корейцев как полноправных подданных японской империи, преданных императору, таких же, как и японцы¹¹. Образовательная политика Японии в Корее была нацелена на использование всех возможностей общего и промышленного образования, тогда как считалось, что «с высшим образованием нет необходимости спе-

шить». Закон «о специальном образовании» был утвержден в 1915 г., а университеты были запрещены до 1924 г. Генерал-губернатор Тэраути чинил всяческие препятствия движению за создание Корейского национального университета¹². Он придавал большое значение начальному и промышленному образованию. Таким предметам начальной школы, как основы сельского хозяйства и торговли, был придан статус обязательных. По словам генерал-губернатора, некоторые корейцы, «питая отвращение к физическому труду... занимаются пустым теоретизированием. Отныне необходимо добиваться искоренения пагубной склонности к праздному времяпрепровождению и воспитать хорошие привычки — такие как усердие и бережливость»¹³.

Японское правительство прилагало большие усилия к распространению японского языка в Корее в качестве государственного. В начальных школах обучение велось по учебникам, написанным на японском языке. Большая часть популярной литературы была переведена на японский язык и продавалась по низкой цене.

Следует отметить, что на начальном этапе распространение японского языка не было связано с ликвидацией корейского алфавита. Среди предметов, по которым были изданы учебники на государственном (японском) языке, были учебные пособия по истории и географии Кореи, составлявшие один объединенный предмет. В то же время книги на китайском и корейском языках были представлены только кратким изложением географии Кореи. В пятой статье «Закона об образовании» регламентировалось, что «общее образование, даруя общие знания, в особенности развивая качества, присущие преданному народу, нацелено на распространение государственного языка»¹⁴. Согласно данной статье, японский язык, некогда бывший для корейцев иностранным языком, стал теперь государственным и «способствует воспитанию духа по-настоящему преданного народа». Поэтому учебники для общеобразовательных школ были составлены на государственном языке, а книги, написанные на корейском и древнекитайском языке, выводились из обращения. В 1940 г. был введен запрет на использование корейцами родного языка. Кроме того, была предпринята акция "соси каймэй" ("создание фамилий и изменение имен") — вместо корейских фамилий корейцам присваивались японские фамилии, а корейские имена переименовывались на японский лад: иероглифам, использовавшимся для написания корейских имен, давалось японское чтение. Помимо этого, предпринимались меры по внедрению в среде корейцев японской одежды, кухни и японских национальных обычаев. Деятельностью по искоренению корейской культуры занимались полиция и руководимые ей "кёвакай" — "ассоциации согласия"¹⁵.

Самое первое распоряжение генерал-губернатора сразу после аннексии Кореи касалось содержания школьных учебников. Каждой государственной и частной школе были выданы новые книги. Это было неотложной мерой, направленной на то, чтобы избежать в учебных пособиях упоминаний о бывшей Корее даже в отдельных фразах и словах. Исправление учебников было завершено до конца марта 1911 г., и уже с апреля этого года полностью отредактированные учебники были переданы учащимся¹⁶.

После кровавого подавления выступлений за освобождение Кореи в 1919 г. по приказу генерал-губернатора были внесены некоторые поправки в «Закон об образовании». Прежде всего, со следующего года срок обучения в общеобразовательной школе составлял уже не четыре года, а шесть лет, и согласно новой шестилетней программе для корейских детей в качестве школьного предмета впервые была введена история. Этот предмет состоял из трех дисциплин: история Японии, история взаимоотношений Японии и Кореи и «прошлое Кореи»¹⁷.

По словам начальника отдела по редактированию учебников Управления генерал-губернатора Ода Сэйго, «цель обучения прошлому Кореи — это разъяснить великий смысл аннексии Кореи, то, что аннексия явилась неизбежным результатом всей корейской истории»¹⁸. Новое историческое образование для корейских детей представляло собой завуалированную попытку реформировать историческое сознание корейцев. Извест-

ный российский кореевед М.Н. Пак так охарактеризовал действия Японии: «Сознавая недостаточность одних полицейских репрессий... японские колонизаторы вознамерились противопоставить... поток «исследований», фальсифицирующих историю Кореи...»¹⁹. Было создано специальное «Общество по составлению истории Кореи» при генерал-губернаторе. Японское руководство стремилось представить аннексию Кореи как закономерный итог всей ее предыдущей истории.

В этот период появилась идея о вечном зависимом положении Кореи, отрицался самостоятельный характер ее развития. Следующим шагом стало объединение указанных трех дисциплин в один курс по изучению «истории родного края» (*kyodoshi*). Термин «*kyodoshi*» означает историю одной местности, малой родины, места рождения. Корейский полуостров рассматривался как одна из территорий Японской империи. Применительно к истории Кореи это было для корейцев оскорбительным, так как историю Корейского полуострова отделяли от всеобщей истории.

Японское руководство стремилось произвести коренной переворот в сознании корейского народа. Преподавание истории должно было внедрить в сознание корейцев взгляды японских правящих кругов на суть колониального господства Японии в Корее. Необходимость составления новой учебной литературы по истории Кореи возникла в связи с переходом от «управления силой» к «культурному управлению»²⁰. Однако это был не более чем маневр, направленный на эффективное привитие корейскому народу того понимания истории, которое было выгодно японскому руководству. По словам одного из школьных преподавателей, «в какие бы времена на Корею ни нападала другая страна, Корея никогда не ощущала полной самостоятельности. Поэтому в содержании истории Кореи упор делается на ее вечное состояние зависимости от Китая и на то, что во все времена и особенно на момент аннексии она находилась в состоянии застоя»²¹.

Японская администрация использовала и религию в качестве инструмента для осуществления культурной ассимиляции корейского народа. Сразу после аннексии в Корее была провозглашена свобода вероисповедания, но уже в январе 1935 г. было официально объявлено о линии японского руководства на распространение в Корее синтоизма. Первый инцидент в связи с нарушением свободы вероисповедания произошел 14 ноября 1935 г. В этот день вновь назначенный губернатор корейской префектуры Пхёнаннандо Анбу Тёкуфуси созвал на совещание директоров средних школ, а перед этим приказал всем участникам совещания посетить синтоистский храм в Пхеньяне. Директор профессиональной школы Снук, директор школы для девочек МакГюн и другие отказались идти в храм. Как сообщалось в «Вестнике Восточной Азии», «начальник департамента образования заявил, что посещения синтоистских храмов является обязательным для всех подданных Японской империи, а школы, администрация которых отказывается обеспечить посещения храмов учащимися и учителями, будут закрыты»²². 2 января 1936 г. у МакГюна и Снука и других директоров школ отобрали разрешения на руководство учебными заведениями. После этих событий принудительное посещение синтоистских храмов и закрытие школ в случае отказа от посещения стали в Корее правилом.

В целях воспитания корейцев в духе патриотизма 2 октября 1937 г. была принята «Присяга подданных Японской империи». Вот как она звучала:

«1. Мы, подданные империи, проявляем преданность и воздаём хвалу государю и отечеству.

2. Мы, подданные Японской империи, сплотившись в своих помыслах и объединив свои сердца, сохраняем верность Его Величеству Императору.

3. Мы, подданные империи, воспитав в себе стойкость и упорство, прославим императора. Проявив твердость и решительность, мы станем достойным и сильным народом»²³.

В то же время, когда была составлена «Присяга подданных империи», Комитет по физической культуре Кореи по заказу Управления образования разработал «Гимнастику для подданных империи». Она должна была служить «поднятию морального духа корейского народа, преданного империи и императору». Гимнастика была создана на основе боевых искусств как комплекс ежедневных упражнений для закаливания души и тела. Она была направлена на привитие определенных убеждений — таких как кодекс чести самураев. Как в японских традиционных боевых искусствах тренируется дух, так и с помощью «гимнастики подданных империи» воспитывался дух верного народа. На основании принципа единства духа и тела, характерного для всех боевых искусств, дух преданного империи народа должен был укрепляться вместе с развитием физической формы. Наряду с крепким телом необходимо сформировать живой, решительный и несокрушимый дух и выносливость. «Гимнастика для подданных империи» ставила своей целью воспитать сильный, энергичный, готовый к действию, стойкий и выносливый народ. Что касается манеры исполнения гимнастики, то на этот счет предписывалось «продолжать занятия до тех пор, пока пот не потечет градом»²⁴.

«Присяга подданных империи» и «гимнастика подданных империи» практиковались только в Корее. Эти меры были направлены на то, чтобы искусственным способом пробудить в корейцах патриотизм, преданность империи, чтобы все силы и душевные порывы корейского народа были направлены на служение Японии. Наряду с созданием присяги и разработкой гимнастики прошла «Кампания по всеобщей мобилизации морального духа народа». В октябре 1937 г. сформировался Центральный союз всеобщей мобилизации народного духа, а в следующем году в преддверии первой годовщины начала японо-китайской войны заработал Корейский союз по всеобщей мобилизации народного духа. В октябре 1940 г. развернула деятельность Ассоциация помощи трону²⁵. Кроме того, 6-го сентября 1937 г. был установлен «день патриотизма и любви к Родине». В целях поднятия патриотического духа в школах по приказу начальника Управления образования проводились следующие мероприятия:

- поднятие государственного флага;
- исполнение государственного гимна;
- декламация императорских эдиктов для поднятия духа;
- лекции о политической ситуации в стране;
- молитвы о ниспослании счастья на войне²⁶.

Следует отметить, что генерал-губернатор Кореи Тэраути Масатакэ придавал большое значение поддержанию безопасности в колониальной Корее. Расходы на образование, культуру и здравоохранение в бюджете за 1910 г. не превышали 1–2% расходов. Американский исследователь Марк Каприо приводит в своей статье следующие цифры: японское правительство в первые годы после аннексии Кореи нанимало здесь в три раза больше шпионов для выявления противников колониальных властей (30 000 человек), чем учителей (8 111 человек)²⁷. Тем не менее, в период колониального господства Японии в Корее образование здесь получило существенное развитие. Например, согласно второй статье «Закона о расходах на муниципальное образование» от октября 1911 г., на момент аннексии в Корее была 101 муниципальная школа, а уже в 1911 г. 136 школ. В 1912 г. число школ увеличилось еще на 107 и впредь каждые полгода возрастало на 20²⁸. Но следует иметь в виду, что речь шла о повышении образовательного уровня населения, которое, по замыслам руководства Японской империи, должно было «подтянуться» до уровня японцев и, утратив свою национальную (корейскую) идентичность, раствориться в японской нации.

1. *Inaba Tsukio*. Chosen shokuminchi kyoiku seisakusi no saikento [Новое исследование по истории образования в колониальной Корее]. Kyushu Daigaku, 2010. С. 12.

2. Ibid.
3. *Kazuko Suzuki*. The State and Racialization: The Case of Koreans in Japan // Center for Comparative Immigration Studies. 2003. Working Paper 69. February. P. 3–4.
4. *Caprio M.E.* Op. cit. P. 4.
5. *Kazuko Suzuki*. Op. cit., P. 7.
6. Teikoku Nihon to gendai // *Sekai*. 2010. № 1. С. 149.
7. *Kazuko Suzuki*. Op. cit. P. 8–9.
8. Ibid. P. 11.
9. *Шунаев В.И.* Колониальное закабаление Кореи японским империализмом (1895–1912). М., 1964. С. 219.
10. Там же.
11. *Inaba Tsukio*. Op. cit. P. 8.
12. Ibid. P. 11.
13. Ibid.
14. Ibid. P. 129.
15. Дзай Нихон Дайканминкоку Миндан. Тью миндзоку кёйку иинкай. Рэкиси кёкасё. Дзайнити кориан но рэкиси. Акаси сётэн. Токио. 2006 [Учебник истории. История корейцев, проживающих в Японии / Ассоциация граждан Республики Корея, проживающих в Японии. Центральная комиссия по национальному образованию]. Токио: Акаси сётэн, 2006. С. 41–42.
16. *Inaba Tsukio*. Op. cit. P. 27.
17. *Kokobu M.* Shokuminchi chosen no rekisi kyoiku. Chosen dzireki no kyodzu o megutte [Историческое образование в колониальной Корее. В связи с преподаванием «прошлого Кореи»]. Shinkanshya, 2010. С. 17.
18. Там же. С. 18.
19. *Пак М.Н.* Очерки по историографии Кореи (К критике буржуазно-националистических идей южнокорейских историков), М.: Наука, 1987. С. 75.
20. «Политика культурного управления» «bunka tochi» политика, которую японская колониальная администрация стала осуществлять после подавления массовых выступлений корейского народа за освобождение Кореи в марте 1919 г. Функции жандармерии передавались обычной полиции, разрешался выпуск газет и журналов на корейском языке. В пределах, оптимальных с точки зрения укрепления колониального управления, корейцам предоставлялась свобода слова, собраний, организаций, была отдана часть чиновничьих должностей в генерал-губернаторстве и в полиции.
21. *Kokobu M.* Op. cit. P. 63.
22. Op. cit. P. 127.
23. *Inaba Tsukio*. Op. cit. P. 142.
24. Op. cit. P. 143.
25. Op. cit. P. 154.
26. Op. cit. P. 155.
27. *Caprio M.E.* Neo-Nationalist Interpretations of Japan's Annexation of Korea: The Colonization Debate in Japan and South Korea // *The Asia-Pacific Journal*. 2010. 44–4–10. 1 Nov. P. 7.
28. *Inaba Tsukio*. Op. cit. P. 12. URL: www.japanfocus.org.